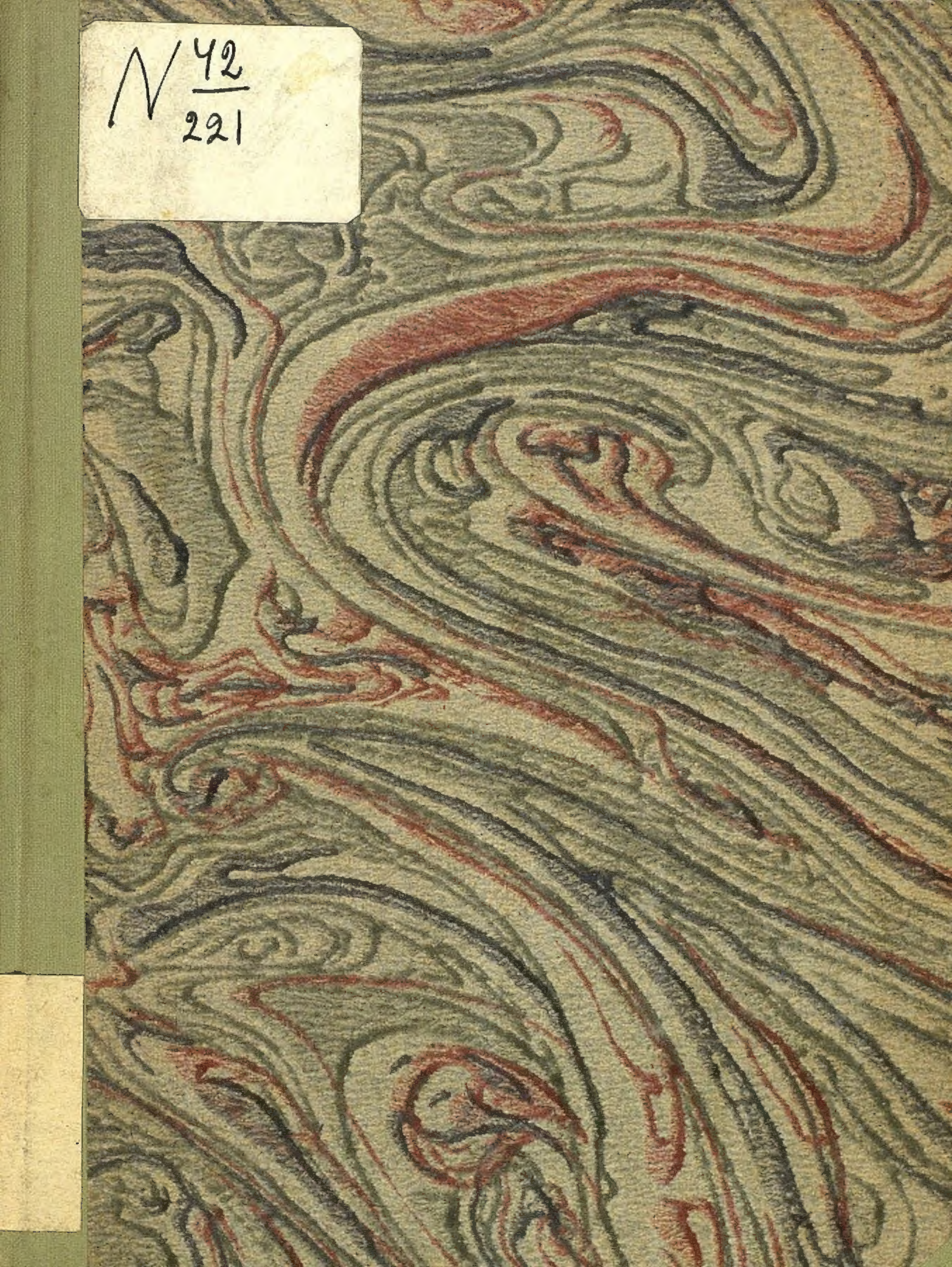

N 42/221

Глубокоуважаемому Александру Семеновичу Будиловичу от [illegible]

ПО ПОВОДУ ПЕРЕХОДА ВЪ КАТОЛИЧЕСТВО КНЯЖНЫ Елены Черногорской.

А. Александрова.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1896.

По поводу перехода въ католичество княжны Елены Черногорской.

А. Александрова.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1896.

Отдѣльный оттискъ изъ журнала „Православный Собесѣдникъ“.

По поводу

перехода въ католичество княжны Елены Черногорской.

Изъ Италіи пришло прискорбное для православнаго міра извѣстіе. Дочь князя черногорскаго Николая, помолвленная и уже вышедшая теперь за мужъ за наслѣдника итальянскаго престола, принца неаполитанскаго Виктора-Эммануила, приняла католичество со всѣми его заблужденіями. Это событіе совершилось 9 октября и при томъ надъ гробницей святителя и чудотворца Николая Мирликійскаго, въ г. Бари (на восточномъ берегу Италіи), гдѣ покоятся святыя мощи святителя. Княжна была встрѣчена у входа въ храмъ кардиналомъ Таэджи и всѣмъ католическимъ духовенствомъ, и, по отреченіи отъ православія, или, какъ католики именуютъ нашу православную вѣру, отъ схизмы, присутствовала при торжественной мессѣ (обѣднѣ), совершонной въ благодарность за такое счастливое и радостное для латинства событіе.

Актъ перехода въ католичество княжны совершился въ слѣдующемъ порядкѣ:

Духовенство католическое, съ настоятелемъ Пипичелли во главѣ, стало въ два ряда у входа. При входѣ въ храмъ, настоятель подалъ святую воду Ихъ Высочествамъ, послѣ чего они направились къ главному алтарю, а отсюда, въ сопровожденіи нѣкоторой части духовенства, спустились въ нижнюю часть храма, гдѣ почиваютъ мощи святителя Николая. Здѣсь и былъ совер-

шенъ обрядъ отреченія дочери князя искони православнаго народа отъ православія.

Формула перехода въ католичество была подана княжнѣ епископомъ конверсанскимъ Дженнери, членомъ священной инквизиціи. Княжна положила руку на Евангеліе и произнесла слѣдующія слова [1]):

„Я, Елена Петровичъ, княжна черногорская, вѣрую и исповѣдую все, чему учитъ Святая Матерь католическая апостольская римская Церковь. Вѣрую въ Бога Отца, всемогущаго Творца и Промыслителя неба и земли, и въ Іисуса Христа, Сына Божія. единаго Господа нашего, родившагося отъ Маріи Дѣвы, пострадавшаго при Понтіи Пилатѣ, распятаго и умершаго и въ третій день воскресшаго изъ мертвыхъ. Вѣрую въ общеніе святыхъ, отпущеніе грѣховъ, воскресеніе тѣла и святыя души чистилище.

„Признаю видимымъ Главою Святой Церкви и непогрѣшимымъ намѣстникомъ Іисуса Христа законнаго преемника святого Петра, перваго епископа римскаго и князя апостоловъ. Провозглашаю всѣ прочія религіи ложными, и объявляю, что, внѣ католической апостольской римской религіи, нѣтъ спасенія.

„Вѣрую во всѣ тайны страданія и смерти Господа нашего Іисуса Христа, въ святую жертву литургіи, крещеніе, мνропомазаніе и всѣ прочія таинства. Принимаю, какъ непогрѣшимыя истины, догматы, провозглашенные Святою Церковью. Вѣрую въ служеніе Богу, безпорочной Дѣвѣ Маріи и Святымъ.

„Клянусь, что всегда буду исповѣдывать ученіе католической Церкви, воспитывать въ немъ дѣтей моихъ и проч.

„Если же не буду содержать то, что я исповѣдала, объявила и въ чемъ поклялась, то навлеку тѣмъ на себя гнѣвъ Божій и святыхъ апостоловъ Петра и

---

[1]) **Русскій Паломникъ № 44.**

Павла и буду извергнута изъ лона Святой Матери Церкви и общенія святыхъ.

„Въ чемъ да поможетъ мнѣ Богъ и сіе святое Евангеліе“.

Прочитавъ актъ отреченія, княжна скрѣпила его своею подписью.

Понятно, что искони вѣрные православію сыны Россіи съ тягостнымъ чувствомъ отнеслись и къ давно уже носившемуся слуху о готовившемся, а въ особенности къ исполнившемуся теперь этому слуху, что и отразилось во многихъ органахъ печати.

Приведемъ нѣкоторыя изъ высказанныхъ по этому поводу сужденій.

„Примѣровъ подобнаго, говоритъ „Русское Слово“, со стороны принцессъ православныхъ династій исторія намъ не сохранила. Напротивъ того, мы знаемъ, какъ православныя принцессы не разъ готовы были жертвовать всѣми благами міра сего, всѣми личными чувствами, лишь бы не измѣнять вѣры отцовъ своихъ, лишь бы не погубить души своей. Передъ нашими глазами вставалъ тогда свѣтлый образъ другой славянской княжны, и тоже Елены, дочери Іоанна Васильевича III-го, вышедшей замужъ за князя Литовскаго Александра. По даннымъ исторіи, она очень любила своего мужа, но, несмотря на его настойчивыя просьбы и убѣжденія, не пожертвовала ему тѣмъ, что считала истиной, и до конца дней своихъ осталась вѣрной истинѣ, православія, извѣдавъ, благодаря этому не мало горя и тяжкихъ душевныхъ мукъ... Что же остается теперь дѣлать? Теперь ясно, что скорбь должна смѣнить для насъ, русскихъ, недавнее ликованіе. Торжествуетъ одно лишь латинство. Представителямъ его нѣтъ дѣла, что обращеніе княжны Елены въ католичество не можетъ быть искреннимъ. Оно ликуетъ и празднуетъ побѣду надъ православіемъ, которое оно ненавидитъ, какъ только можетъ ненавидѣть истину ложь... Торжествуетъ латинство, и готово видѣть уже начало осуще-

ствленія своихъ завѣтныхъ стремленій: подчинить папскому престолу православный востокъ".

„Въ исторіи родственныхъ связей между царствующими домами Европы, говоритъ „Русскій Листокъ", весьма часты женитьбы на иновѣрныхъ княжнахъ. Наши православныя княжны нерѣдко выходятъ въ замужество за иноземныхъ и иновѣрныхъ принцевъ и владѣтельныхъ особъ. Но никогда еще не было примѣра, чтобы православная княжна, выходя въ замужество, вмѣстѣ съ перемѣной отечества, перемѣняла бы и вѣру отцовъ своихъ. Наоборотъ, православныя княжны всегда твердо хранили и хранятъ свою вѣру, и это нисколько не мѣшаетъ имъ быть образцовыми супругами своихъ иновѣрныхъ мужей и любить иновѣрный народъ и иновѣрную страну, какъ свою вторую родину. Мало этого, православныя княжны всегда заботились, чтобы свѣтъ исповѣдуемаго ими православія сіялъ и среди ихъ новыхъ иновѣрныхъ подданныхъ. Конечно, въ этой приверженности православныхъ княженъ къ православію нельзя не видѣть ихъ личной стойкости, ихъ личнаго отвращенія отъ вѣроотступничества.

„Особенно это слѣдовало бы помнить южнымъ славянамъ. Православіемъ выросли и живутъ всѣ славянскія племена и государства, съ нимъ неразрывно связанъ вопросъ объ ихъ существованіи. Между тѣмъ православію южныхъ славянъ въ настоящее время грозитъ гораздо большая опасность, чѣмъ когда-либо раньше. Католичество широко раскинуло свои сѣти по славянскимъ землямъ. Болгарія наводнена іезуитами. Въ сербскихъ земляхъ съ особой силой распространяется католическая пропаганда. Католики изыскиваютъ всѣ способы къ совращенію православныхъ и, не жалѣя средствъ, заводятъ монастыри, храмы, школы, епископаты, устраиваютъ съѣзды, издаютъ книги и газеты, и, благодаря поддержкѣ властей, въ нѣкоторыхъ земляхъ, къ несчастію, достигаютъ успѣховъ. Немногочисленные поборники православія теряются въ вы-

борахъ средствъ для непосильной борьбы со врагомъ, и если ихъ слабый голосъ еще имѣетъ значенiе для славянъ, то этимъ защитники православiя въ значительной степени обязаны поддержкѣ православныхъ государей славянскихъ земель и тому обаянiю, коимъ они пользуются среди своихъ подданныхъ. Первое мѣсто въ этомъ отношенiи принадлежало достойному и испытанному въ православiи владѣтелю Черной Горы князю Николаю. Его приверженность къ православiю безспорно ослабляла успѣхъ католичества въ сербскихъ земляхъ.

„И вотъ теперь, его дочь оставляетъ православную вѣру и переходитъ въ католичество. Для iезуитовъ это драгоцѣнное прiобрѣтенiе. Имъ теперь не составитъ большого труда втолковать нетвердому славянину Балканскаго полуострова, что католичество для него нисколько не вредно и незазорно. Иначе, молъ, владѣтельный князь Черной Горы не допустилъ бы этого въ своемъ семействѣ. И этотъ прискорбный примѣръ будетъ для славянъ много соблазнительнѣе всякихъ другихъ ухищренiй воинствующаго католицизма. А разъ подорвется среди славянъ уваженiе къ православiю, то этимъ будетъ уничтожена самая сильная опора ихъ самостоятельности“.

Приведемъ здѣсь еще слѣдующую историческую справку.

Елена, дочь великаго князя московскаго Iоанна III (1462—1505), какъ уже мы сказали, вышла замужъ за князя литовскаго Александра-римокатолика. Горько было положенiе бѣдной княгини. Оторванная отъ родины и родныхъ, склоняемая къ измѣнѣ православiю, она тяжко страдала и, по всей вѣроятности, вѣсть о мукахъ дочери доходила до Iоанна III. И онъ тогда отправилъ своей дочери слѣдующее посланiе, чтобы поддержать и подкрѣпить ее въ ея тяжкомъ испытанiи.

„Дочка, говоритъ онъ, памятуй Бога, да наше родство, да нашъ наказъ, держи свой Греческiй законъ

во всемъ крѣпко, а къ Римскому закону не приступай никоторымъ дѣломъ; церкви Римской и папѣ ни въ чемъ послушна не будь, въ церковь Римскую не ходи, душою никому не норови, мнѣ и всему нашему роду безчестья не учини; а только по грѣхамъ что станется, то намъ, и тебѣ,и всему нашему роду будетъ великое безчестье, и закону нашему Греческому укоризна. И хотя бы тебѣ пришлось за вѣру и до крови пострадать, и ты бъ пострадала. А только дочка пополэнешься, приступишь къ Римскому закону, волею или неволею: то ты отъ Бога душею погибнешь, а отъ насъ будешь въ неблагословеньѣ; я тебя за это не благословлю, и мать не благословитъ; а зятю своему мы того не спустимъ: будетъ у насъ съ нимъ за то безпрестанно рать“ [1]).

Такимъ вотъ языкомъ говорили прежде православные государи, когда дѣло касалось самаго дорогого для нихъ—ихъ религіи! Въ этихъ словахъ Іоанна III, исполненныхъ несокрушимой силы вѣры и благородства великой души, слышится голосъ всей Руси: постоимъ за вѣру нашу православную всѣми нашими духовными средствами, перевѣдаемся за нее и въ ратномъ полѣ...

Положивъ православіе въ основу государственности, не ошиблись наши древнерусскіе государи—собиратели Руси, когда они связывали во едино всѣ разрозненныя племена русскія и стягивали сюда же своихъ воинственныхъ сосѣдей. Первымъ дѣломъ они сродняли съ собой всѣхъ православіемъ, распространяя его въ ихъ предѣлахъ и помогая возникновенію и расширенію въ средѣ ихъ монастырей, этой могучей культурной силы древней Руси.

Этой преданностью вѣрѣ отцовъ жила, крѣпла и развивалась наша святая Русь и достигла своего величія. Даже тѣ изъ русскихъ историковъ, которые не склонны дорожить самобытностью нашихъ духовныхъ

---

[1]) *Соловьевъ*, **Исторія Россіи, т. V, стр. 176 (Москва 1864).**

основъ, единодушно признаютъ, что, напр., въ глубоко критическое для Россіи смутное время, когда Польша, казалось, готовилась навести послѣдній и окончательный ударъ Москвѣ и подчинить Русь папѣ, мы сломили враговъ и спасли свое государство единственно благодаря несокрушимой вѣрѣ нашихъ отцовъ въ истину, божественность православія, объединившаго тогда всѣхъ русскихъ людей.

Эта же связь всецѣло объединяла и южныхъ словянъ въ многовѣковой борьбѣ ихъ съ врагомъ креста Господня и дѣлала ихъ всегда побѣдителями, когда они дѣйствовали дружно, ни на іоту не отступая отъ своего родного православія. Тоже православное религіозное чувство, вложенное въ душу сербскаго народа великимъ Неманей (родился въ 1114 г., правилъ 1159—1195 и умеръ на Аѳонѣ въ 1200 г.) и его сыномъ святителемъ Саввой, архіепископомъ сербскимъ, подняло сербство на высоту мировой державы за время царя Душана, сильнаго сербскаго самодержца (1336—1355). Молодое королевство Сербія, несмотря на всѣ пережитыя имъ политическія невзгоды и раздоры, при наплывѣ на его чистую жизнь чуждой западной культуры и цивилизаціи, лишь только при объединеніи всѣхъ въ исконной православной вѣрѣ, осталось, составляя единое непоколебимое цѣлое, побѣдителемъ въ 5-ти вѣковой борьбѣ за освобожденіе, борьбѣ, возникшей тоже на почвѣ защиты религіознаго чувства. И такимъ же образомъ Черная Гора осталась свободной, 500 лѣтъ бережно храня свою православную вѣру и независимость.

Отсюда, изъ перехода въ католичество княжны Елены и разговора черногорскаго князя Николая съ корреспондентомъ „Петербургскаго Листка“ видно прискорбное противорѣчіе и отступленіе отъ святого завѣта (аманета) и обѣта сербскаго народа—„за крст православни и слободу златну“. А этотъ святой аманетъ князь Николай, какъ мы знаемъ изъ исторіи, всегда ставилъ, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, выше

всего, гордясь имъ и воспѣвая его въ своей поэзіи, какъ доблесть сербскаго народа, а въ частности Черной Горы.

Отличительной чертой всѣхъ черногорскихъ владѣтелей [изъ рода Бальшичей (1356—1427), Черноевичей (1427—1516), при теократіи — митрополитахъ разныхъ родовъ (1516—1696) и особенно изъ династіи Петровичей-Нѣгошей: митрополитъ *Даніилъ* (1696—1735), митрополитъ *Савва* (1735—1750), митрополитъ *Василій* (1750—1766), опять тотъ же митрополитъ *Савва* (1766—1782), митрополитъ *Петръ* I, святой, (1782—1830), митрополитъ *Петръ* II (1830—1851), свѣтскій самодержавный государь, князь *Даніилъ* I (1851—1860) и теперешній государь, князь *Николай* I вступилъ въ управленіе страной 1 августа 1860 года] было то, что представители власти являлись неуклонными ревнителями и защитниками православія, стойкими борцами за него все время, а у Петровичей, у первыхъ, родилась на той же самой почвѣ религіознаго, православнаго чувства и идея общесловянскаго единенія.

Съ паденіемъ независимости Сербіи, послѣ Коссовской битвы (15 іюня 1389 г.), православная сербская церковь въ своей колыбели—Зетѣ [1]), предкѣ нынѣшней Черной Горы, стала терпѣть притѣсненія и угнетенія съ одной стороны при дикихъ и опустошительныхъ на страну набѣгахъ турокъ, а съ другой, сдѣлавшись, при своей слабости физической, открытымъ полемъ жатвы хитрой и лукавой пропаганды церкви западной. Папы высылали въ Зету своихъ миссіонеровъ и для большаго успѣха католицизма учреждено было нѣсколько епархій между православными жителями территоріи зетскаго государства. Такихъ епархій было семь: Антаварская (Барская), Которская, Будванская, Скутарійская (Скадрская), Дривастская, Дульчинская и Алессинская (Лѣшская). Особенно сильно заявляла себя пропа-

[1]) Зета была удѣломъ наслѣдниковъ сербскаго царства, великаго Немани. *Rački*, Prilozi..... Rad, kn. I, str. 125.

ганда римской церкви въ Приморьѣ (Которской области)[1]), такъ какъ оно съ XV в. было подчинено Венеціи и принадлежало ей до самаго конца существованія республики, пользуясь постояннымъ ея покровительствомъ. Но, несмотря на все это, приморцы твердо хранили вѣру своихъ предковъ, испытывая жестокости латинскихъ миссіонеровъ, оскверненіе, поруганіе и поношеніе на ученіе православной церкви. Всѣ старанія католицизма оставались безуспѣшными. Такъ велико было тогда въ словянствѣ сознаніе православной религіозно-нравственной крѣпости и то вліяніе, которое имѣли твердые въ вѣрѣ отцовъ вожди и владыки, а съ этимъ слилось и сознаніе своей народности.

Теперь понятно, почему мудрый и просвѣщенный князь Георгій Черноевичъ въ 1516 г., не чувствуя себя способнымъ быть въ административно-руководящей роли въ то время, когда весь Балканскій полуостровъ и вмѣстѣ Черная Гора были тѣснимы съ востока и запада, и сознавая, при сильномъ вторженіи духовно-религіознаго разрыва въ народъ, всю основу государственности въ охранѣ крѣпкаго оплота—религіи отцовъ, оставляетъ въ главѣ управленія владыку—митрополита, положивъ такимъ образомъ начало новаго правленія въ Черногорьѣ—теократіи, а самъ удаляется отъ дѣлъ.

Кромѣ латинства другимъ врагомъ православія въ Зетѣ была Оттоманская Порта и ея пропаганда мухамеданства. Въ концѣ XV в. большая часть Зеты осталась въ рукахъ турокъ и множество православныхъ, привлекаемыхъ и силою, и внѣшними выгодами, стано-

---

[1]) Своей цѣли они стремились достичь даже и слѣдующимъ образомъ. Близъ Котора былъ знаменитый православный монастырь Превала, построенный еще Стефаномъ первовѣнчаннымъ, царемъ сербскимъ. Этотъ монастырь былъ средоточіемъ православія. Римскіе католики отравили здѣсь вдругъ 72 монаха и потомъ разрушили самый монастырь. См. *Поповъ,* Путешествіе въ Черногорію (С.-Петербургъ, 1847); стр. 72, 73.

вилось потурчениками, т. е. обращено было въ мухамеданство, которое ширилось дальше и въ свободныхъ отъ турецкаго оружія зетскихъ горахъ,—настоящемъ черногорьѣ, гдѣ, потерпѣвъ нѣсколько пораженій, турки, извѣрившись въ силѣ оружія, стали дѣйствовать хитростью, лаской и обѣщаніями [1]), стараясь склонить и вліятельныхъ черногорцевъ къ принятію ислама.

Въ 1684 году Венеція вступила въ союзъ съ Австріей и Польшей противъ Турціи и, объявивъ послѣдней войну, пригласила и Черногорье вмѣстѣ вооружиться противъ общаго врага христіанства [2]). Но этотъ союзъ продолжался не долго. Венеціанская республика, какъ и во время Бальшичей и Черноевичей, такъ и теперь вела себя двулично. Она измѣнила Черногорью во время самаго разгара войны. Но, послѣ побѣды при Кастель-Ново надъ турками, владыка Виссаріонъ (Баица) пригласилъ Венеціанскихъ вождей, не подозрѣвая ихъ лукавства, для переговоровъ въ Цетиньскій монастырь: „Ва лѣто 1687, говоритъ черногорскій лѣтописецъ, примише латине Нови, и то лѣто епискупь Висарионь изведе латине на Цѣтинѣ у монастырь, провидура и кавалиера, и владыку Висариона отроваше [3])“. Этимъ они надѣялись легче утвердить и распространить католицизмъ въ Черной Горѣ.

Смерть владыки, однако, хотя и не подчинила Черногорье Венеціи и не помогла утвердиться въ ней римской пропагандѣ, но имѣла для Черной Горы роковыя послѣдствія. Такъ какъ послѣ владыки Виссаріона въ теченіе двухъ лѣтъ въ Черной Горѣ не было владыки [4]), то здѣсь стало шириться вліяніе

---

[1]) *Поповъ*, Путешествіе, стр. 75.

[2]) *Милаковићъ*, Исторіа Црне Горе (у Задру 1856), стр. 98, 99.

[3]) *Милаковићъ*, стр. 102.
Гласник срп. учен. друштва, кн. XL, стр. 41.

[4]) *Милаковићъ*, стр. 104.
Далм. Магаз. 1854 г., стр. 41.

востока и потурченики рѣшились дѣйствовать свободнѣе и энергичнѣе въ ущербъ православію и независимости Черногорья.

Въ это самое тяжелое для Черной Горы время является среди народа ея избавитель и основатель черногорской свободы—владыка *Даніилъ*, первый государь изъ нынѣ правящей въ Черной Горѣ династіи Петровичей—Нѣгошей.

Получивъ посвященіе въ митрополита и возвратившись въ Черногорье, онъ первымъ дѣломъ очистилъ страну отъ потурчениковъ. Онъ вполнѣ ясно понималъ всю опасность грозившую Черной Горѣ и ея православной церкви при вторженіи духовно-религіознаго разрыва въ народъ отъ постепеннаго усиленія исламизма, начавшаго уже глубоко вкореняться въ духъ народа. Проповѣдь евангельская не могла успѣшно дѣйствовать на до крайности офанатизированный духъ черногорскихъ вѣроотступниковъ, а потому, какъ противовѣсъ, осталось только—употребить насиліе, вызванное желаніемъ вѣрныхъ православію и отечеству племенъ, и владыка постановилъ пожертвовать ихъ бреннымъ тѣломъ, чтобы сохранить истину души—православіе. Даніилъ долго колебался, не рѣшаясь на такой крайній и жестокій поступокъ, но вѣроломство, звѣрское обращеніе потурчениковъ съ нимъ самимъ, положило конецъ его колебаніямъ. Это было тогда, когда онъ въ область потурчениковъ былъ приглашенъ освящать православную церковь письмомъ отъ самого паши, обѣщавшаго [1]) ему полную безопасность и свободу, а затѣмъ во время самой литургіи въ новоосвященномъ храмѣ былъ схваченъ и въ теченіе нѣсколькихъ дней ужасно истязаемъ и мучимъ. Когда же всѣ усилія склонить владыку къ отреченію отъ православной вѣры оказались тщетными, то послѣдовало приказаніе того же паши посадить Даніила на колъ. Только при корыстолюбіи паши за дорогой

---

[1]) *Поповъ*, Путешествіе, 79.

выкупъ [1]) православныхъ зетянъ былъ спасенъ владыка отъ ужасной смерти.

Страданія эти вполнѣ убѣдили владыку Даніила, что потурченики не только не думаютъ о христіанствѣ, но даже намѣрены своими поступками окончательно уничтожить Черногорье и его святую вѣру православную. Поэтому онъ принялъ рѣшительный образъ дѣйствій по отношенію къ мусульманству: въ 1702 г. въ ночь на Рождество Христово [2]) истребленіемъ всѣхъ потурчениковъ онъ избавилъ Черногорье отъ окончательной гибели и положилъ прочное начало государственной жизни. А затѣмъ, славный Даніилъ, одержавъ много великихъ побѣдъ надъ турками, окончательно утвердилъ православіе, самостоятельность и независимость Черногорья.

При Даніилѣ была и первая попытка къ осуществленію идеи словянскаго единенія. Сближеніе прежде всего, какъ и слѣдовало ожидать, было съ Россіей [3]), великой православной словянской державой.

Сношенія Черной Горы съ Россіей, конечно, были не въ интересахъ сосѣдей, особенно Венеціанской республики, а потому Венеція стала тайно сноситься съ Портой и дѣйствовать въ ущербъ интересовъ черногорскихъ. Венеціанская республика прекратила съ Черной Горой всѣ торговыя сношенія и тѣмъ лишила ее средствъ не только къ войнѣ [4]), но и къ существованію. А между тѣмъ турки устремились съ

---

[1]) *Милутиновић*, Исторія Црне Горе (у Бѣограду 1835), стр. 38.
Поповъ, стр. 80.
Милаковићъ, стр. 106.

[2]) *Милутиновић*, 42.
Гласник, XL, 42.
Милаковићъ, 107.

[3]) *Милаковићъ*, 113.

[4]) *Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. XVI (Москва 1866), стр. 81.

огнемъ и мечемъ на страну и „ва лѣто 1714, говоритъ цетиньская лѣтопись, доһе Чупрелиһь везиръ су 120 тисущь войске и пороби и пожеже Чернугору и раскопа цркву и монастирь въ Цѣтинѣ“ [1]). Черногорцы однако и тутъ не пали окончательно духомъ, ибо основночерногорскія племена были не тронуты и крѣпки въ своихъ неприступныхъ горахъ. Бѣдность Черной Горы была въ это время страшная. Народъ не могъ бы подняться безъ посторонней поддержки. И поэтому въ 1715 г. черногорцы отправили своего владыку въ православную Россію просить помощи на созиданіе раззоренныхъ храмовъ и монастырей [2]). Даніилъ возвратился въ отечество съ полной надеждой на лучшее будущее страны. Черногорье съ этого момента вступаетъ въ новый фазисъ своей жизни и пріобрѣтаетъ большее значеніе въ глазахъ Европы, особенно своихъ сосѣдей—Турціи и Венеціи.

Принимая рѣшительныя мѣры къ облегченію несчастной судьбы православной церкви, входившей въ составъ своей епархіи, онъ принудилъ Венеціанскую республику признать его духовную власть и надъ православнымъ Приморьемъ. Онъ добился точнаго исполненія договора, заключеннаго Венеціей еще съ княземъ Стефаномъ Черноевичемъ, по которому дозволена была свобода вѣроисповѣданія православныхъ во владѣніяхъ республиканскихъ, а теперь декретомъ 1718 г. [3]) духовная юрисдикція Даніила признана была въ При-

[1]) *Василія*, владыки черногорскаго, Исторія о Черной Горы. См. Чтенія Общ. истор. и Древн., 1860 г., кн. 2, стр. 10.

Далмат. Маг., 1854 г., стр. 42.

Милаковиһъ, 119.

[2]) *Милутиновиһ*, 65.

[3]) *Далм. Магазин*, 1862 г., стр. 139.

Духовн. Вѣстникъ 1863, кн. 4, стр. 485.

Милаковиһъ, стр. 129, 130.

Поповъ, 81.

морьѣ и получено дозволеніе возстановить всѣ греко-сербскія разоренныя церкви и строить новыя.

Такой успѣхъ обязанъ духовной силѣ [1]) владыки Даніила, политическимъ обстоятельствамъ того времени, въ которыхъ находилась Венеція, и, затѣмъ, сношенію съ православнымъ сѣверо-востокомъ.

Таково было положеніе православія при первомъ Петровичѣ, мудромъ Даніилѣ.

Преемникъ его *Савва*, какъ замкнутый аскетъ, не принимая большого участія въ дѣлахъ, потерялъ въ народѣ авторитетъ государя, народную любовь и даже всякое значеніе. въ сравненіи съ своимъ предшественникомъ, и, сознавая свою неспособность къ административной руководящей роли, избралъ себѣ помощникомъ своего племянника *Василія*. Назначивъ его митрополитомъ, онъ передалъ ему управленіе дѣлами народа и государства. Устроивъ внутреннія дѣла Черной Горы и поручивъ установленному суду управленіе народомъ, Василій нѣсколько разъ ѣздилъ въ Россію для сбора пожертвованій [2]) въ пользу святой церкви и разоренпаго черногорскаго народа, но во время его отсутствія споры „главарей" племенъ изъ-за родового начала и разные старые порядки и обычаи всегда вызывали распри въ народѣ. Къ искоренію этихъ и всевозможныхъ междуусобицъ Василій не видалъ другого средства, какъ образованіе. Поэтому въ 1765 году онъ поѣхалъ въ православную Россію просить помощи для заведенія школъ и стройнаго правленія въ странѣ [3]), но въ С.-Петербургѣ 10-го марта 1766 года скончал-

---

[1]) *Никифор Дучић*, Књижевни радови, књ. 3, стр. 54.
[2]) *Гласник*, XL, 50.
Милаковићъ, 141.
Поповъ, 91.
[3]) *Милутиновић*, 90.
Милаковићъ, 145.
Поповъ, 93.

ся и погребенъ въ Александро-невской лаврѣ, въ Благовѣщенской галлереѣ.

Дальнѣйшіе митрополиты всегда жили въ полномъ единеніи съ сѣверо-восточнымъ православіемъ. Св. *Петръ I*, защищая, оберегая свою вѣру святую, управляя свой народъ по пути жизни и прогресса, заботился о развитіи внутренняго согласія племенъ и подъема духовной жизни страны. Тогда значеніе Черногорья поднялось въ глазахъ образованнаго свѣта и оно было предметомъ интереса всего просвѣщеннаго міра.

Двадцатилѣтнее съ лишнимъ правленіе владыки *Петра II*[1]) хотя и не ознаменовалось блестящими военными дѣйствіями, но мудрый правитель былъ организаторомъ государства и первымъ сѣятелемъ образованія въ странѣ. Онъ и самъ былъ знаменитымъ представителемъ просвѣщенія и литературы, въ своихъ дивныхъ произведеніяхъ перевоспитывая народъ въ смыслѣ смягченія нравовъ, просвѣщенія духовнаго и пріученія къ государственности.

Съ *Данiила I* мы видимъ прекращеніе теократіи и свѣтскую власть во главѣ государства. Съ согласія и по признанію православнаго русскаго самодержца, Николая I, сербскій государь Черногорья получаетъ титулъ князя и защищаетъ страну отъ нападеній съ востока.

Его преемникъ, настоящій князь *Николай I*, мудрый правитель, борецъ за свободу своего отечества и его вѣру, славный авторъ прекрасныхъ произведеній: *Балканская царица*, *Поэтъ и вила* (муза), *Князь Арванитъ*, *Нова Кола* и мн. др. стих., составляющихъ драгоцѣнный вкладъ со стороны Черногорья въ сербскую литературу,—истинный просвѣтитель и преобразователь своей страны; онъ стяжалъ себѣ любовь и

---

[1]) *Лавровъ*, Петръ II Петровичъ Нѣгошъ, владыка черногорскій, и его литературная дѣятельность. Москва 1887.

Ровинскій, Петръ II (Раде) Петровичъ Нѣгошъ, владыка черногорскій. С.-Петербургъ 1889.

искреннее уваженіе среди всего словянства, закрѣпивъ даже родственнымъ союзомъ [1]) свои связи и сношенія съ православнымъ словянствомъ.

Начавшись съ государя — владыки. митрополита черногорскаго Даніила, при Петрѣ Великомъ, русскомъ самодержцѣ, сношенія эти съ сѣверо-восточными братьями ни разу не прекращались и ни единое облачко не омрачало дружескихъ отношеній между Россіей и Черногорьемъ. Это было открыто признано и закрѣплено въ Бозѣ почивающимъ Государемъ Императоромъ Александромъ III, который провозгласилъ тостъ за Николая, князя черногорскаго, какъ за „единственнаго вѣрнаго друга Россіи“.

Въ нынѣшнемъ году Черная Гора сплотилась въ дружественно-тѣсный союзъ съ Сербіей и Болгаріей, послѣ того, какъ князь Николай сдѣлалъ визитъ королю Александру и былъ восторженно-братски принятъ въ Бѣлградѣ; лѣтомъ же будущаго 1897 года предполагается посѣщеніе болгарскаго князя, въ Софіи.

Разговоръ князя Николая съ корреспондентомъ „Петербургскаго Листка“ былъ слѣдующій:

— „Въ Россіи торжества встрѣчены хорошо, сказалъ корреспондентъ.

Лицо князя, послѣ этихъ словъ, какъ то омрачилось. Послѣ минутнаго молчанія его высочество сказалъ:

— Это не совсѣмъ такъ. Я хорошо знаю, что переходъ въ католицизмъ моей дочери Елены произ-

---

[1]) Его дочери: *Любица-Зорка* († 3 марта 1890 г.) была въ супружествѣ съ княземъ *Петромъ А. Карагеоргіевичемъ*, сыномъ Александра, князя сербскаго (1842—1858).

Милица-Видосава Николаевна въ супружествѣ (26 іюня 1889 г.) съ великимъ княземъ Россійскаго Императорскаго Дома *Петромъ Николаевичемъ*.

Анастасія (*Стана*) *Николаевна* въ супружествѣ (16 авг. 1889 г.) съ княземъ *Георгіемъ Максимиліановичемъ* Романовскимъ, герцогомъ Лейхтенбергскимъ.

велъ въ Россіи отрицательное для меня впечатлѣніе. Да.. да... Я это знаю. Русскіе люди не могли хорошо встрѣтить то событіе, которое имѣло мѣсто въ Бари.

Очень многіе стали говорить, какимъ образомъ я, другъ Россіи, вѣрный сынъ православія, могъ допустить переходъ моей дочери въ католицизмъ. Я вполнѣ понимаю эти слова, но надо также понять и мое положеніе. Моя дочь полюбила самымъ искреннимъ образомъ принца Неаполитанскаго и она была глуха къ какимъ бы то ни было политическимъ соображеніямъ. Предо мною предстоялъ вопросъ въ самой категорической формѣ: или я долженъ былъ отказаться отъ счастья моей дочери, или согласиться на ея переходъ въ католицизмъ. Когда въ жизни является такой вопросъ, то прежде всего говорятъ чувства, и я долженъ былъ уступить мольбамъ моей дочери, влюбленной въ принца Неаполитанскаго.

Я заявляю Вамъ, что съ моей стороны было сдѣлано рѣшительно все, чтобы дочь моя осталась православной.

Переговоры велись очень долго и я упорно настаивалъ на томъ, чтобы княжна осталась православной, но мнѣ, въ концѣ концовъ пришлось склониться предъ необходимостью. Я не мало грущу, что въ Россіи заговорили обо мнѣ въ такомъ направленіи, но, повторяю, при всемъ желаніи, я не могъ измѣнить ничего, а въ свою очередь, королевскій домъ не могъ уступить преданіямъ страны, гдѣ католицизмъ является господствующимъ вѣроисповѣданіемъ".—

И если по истинѣ это такъ, то мы никогда не можемъ согласиться въ данномъ пунктѣ съ доводомъ князя Николая съ общесловянской, православной точки зрѣнія, особенно, зная духъ страны черногорской— какъ покорна тамъ женщина авторитету мущины, а главное и потому, что въ этомъ видно начало вторженія въ православный народъ духовно-религіознаго разрыва, начало разложенія словянскаго народа. Это вторженіе освящено согласіемъ государя, въ народъ, который

свято чтитъ и хранитъ святую православную вѣру своихъ отцовъ, вѣру, спасавшую его въ теченіи 500 лѣтъ отъ всякихъ напастей. Народъ этотъ любитъ и уважаетъ своихъ вождей-государей, ибо съ ними онъ выходитъ побѣдителемъ во всѣхъ несчастіяхъ, защищая свой „крст часни и слободу златну“, какъ это показываетъ намъ его многовѣковая исторія.

Дѣйствительно, это вторженіе будетъ бóльшимъ разложеніемъ словянскаго народа, а не на прочномъ, родномъ, самобытномъ и вѣрномъ основаніи объединеніе его всѣхъ частей и бóльшее сплоченіе ихъ къ жизни и защитѣ самостоятельности.

Яснымъ доказательствомъ такого положенія служитъ смѣлое обобщеніе, напр., Загребской газеты „Katolički List“, въ своемъ 42 номерѣ желающей, основываясь на случаѣ перехода княжны Елены въ католичество, православное большинство словянства отторгнуть отъ самостоятельности и видѣть покорное подчиненіе его Риму. Указывая съ подчеркиваніемъ на особенное вниманіе нашего Государя Императора Николая II католическому епископу во Франціи, въ Парижѣ, затѣмъ посланному представителю отъ папы на коронацію, въ Москвѣ, а также на бывшій недавно конкордатъ Черной Горы съ Римомъ, по поводу введенія словянскаго языка въ католическое богослуженіе, для католиковъ-подданныхъ Черногорья, газета говоритъ:

„Znamenito [1]) je što niti u Rusiji, niti drugdje u pravoslavnom svijetu nitko o prelazu knjeginjice na katolištvo

---

[1]) „Знаменательно, что ни въ Россіи, ни гдѣ либо въ православномъ свѣтѣ никто о переходѣ княжны въ католицизмъ не говоритъ такъ, какъ бы мы могли ожидать объ этомъ нѣсколько прежде. Это еще болѣе знаменательно послѣ энциклики папы Льва XIII о соединеніи восточной церкви съ западной. Уже давно замѣчается въ Россіи болѣе толерантное сужденіе въ религіозныхъ вопросахъ, а о пап-

ne govori onako, kako bismo ovakovih stvari mogli čitati još prije nekoga vremena. To je još znamenitije poslije enciklika pape Lava XIII o sjedinjenju istočne crkve sa zapadnom. Već se odavna opaža u Rusiji tolerantnije mišljenje u vjerskom pogledu; a o papinstvu se već odavno ne piše i ne misli u Rusiji onako, kako bi to bilo po volji neprijateljima katolicizma i papinstva...

Ako svi znakovi ne varaju, mladi ruski car Nikola ne smatra katolicizam predmetom mržnje i pogibelji za slavenstvo i čovječanstvo. Baš to, što ipak knjeginjica Jelena prelazi u katolištvo još prije vjenčanja, i jest radostan znak za svako katoličko srce ne samo u Jtaliji, v e ć n a s v o m s v i-

---

ствѣ уже давно не пишется и не думается въ Россіи такъ, какъ бы это было согласно съ желаніемъ враговъ католичества и папства.

По всѣмъ достовѣрнымъ признакамъ молодой русскій царь Николай не считаетъ католичество ненавистнымъ и пагубнымъ для словянства и человѣчества. И то самое, что княжна Елена переходитъ въ католицизмъ еще прежде свадьбы, есть радостное событіе для всякаго католическаго сердца не лишь въ Италіи, н о д а ж е и в о в с е м ъ м і р ѣ, ибо это признакъ, что въ высшихъ православныхъ кругахъ предразсудки противъ католицизма прекратились въ томъ отношеніи, что не считается уже пропадшимъ тотъ, кто причисляетъ себя къ послѣдователямъ церкви, видимой главой которой на землѣ является папа. И въ этомъ заключается съ точки зрѣнія церковно-политической великое значеніе брака княжны черногорской съ наслѣдникомъ итальянскаго престола. Отсюда понятно торжество всѣхъ друзей, желающихъ сближенія двухъ великихъ церквей, восточной и западной, о к о л о о д н о г о п а с т ы р я, когда былъ объявленъ бракъ итальянскаго наслѣдника съ черногорской княжной. Поэтому и мы торжествуемъ и какъ католики и какъ хорваты и к а к ъ и н и ц і а т о р ы и п р о в о д н и к и м ы с л и о е д и н е н і и ц е р к в и восточной съ западной на б л а г о с л о в я н с т в а".

jetu, jer toje znakom, da su u najvišim pvovoslavnim krugovima predsude proti katolicizma barem u tom prestale, da se ne smatra izgubljenim onaj, koji se pridružuje sljedbenicima crkve, kojoj je vidiva glava na zemlji rimski papa. J u tom leži veliko značenje vjeridbe crnogorske knjeginje 'sa talijanskim kraljevićem sa ckrveno - političkog stanovišta. Razumljivo je stoga veselje svih prijatelja, koji žele zbliženje velikih dvih crkava, istočne i zapadne, oko jednoga pastira, kada je proglašena vjeridba talijanskog kraljevića sa crnogorskom knjeginjom. Za to se i mi tomu veselimo i kao katolici i kao Hrvati i kao zagovaratelji misli o sjedinjenju istočne sa zapadnom crkvom u korist slavenstva".

Но бракъ и переходъ въ католичество княжны Елены черногорской, дочери князя Николая, является прискорбнымъ для православнаго словянства событіемъ, частнымъ, личнымъ дѣломъ князя Николая, а ни въ какомъ случаѣ не дѣломъ общесловянскаго согласія и православія, что мечтаетъ втолковать свѣту католическій органъ, видя въ этомъ знакъ уніи христіанства около столицы св. Петра, около „одного пастыря—римскаго папы". Все словянство вообще и православіе въ частности тутъ не принимало никакого участія; православная церковь, несмотря на всю свою снисходительность и толерантность, какъ намъ показываетъ исторія, никогда не могла одобрять перехода ея дочери, княжны Елены черногорской, въ католичество.

Вниманіе русскаго государя къ папскому епископу въ Парижѣ, а также и делегату во время коронаціи въ Москвѣ не есть особенное вниманіе (osobita pažnia) папству и римокатолицизму, какъ думаетъ Katolički List. Русскій царь, какъ наивысшій представитель религіозности и уваженія церкви въ Россіи, этимъ показалъ любовь и вѣротерпимость православія къ человѣчеству вообще. То вниманіе и отличіе, какое дѣлаетъ русскій царь въ такихъ извѣстныхъ случаяхъ

представителямъ другихъ исповѣданій, касается не вѣроисповѣданія, а представительства религіи, какъ одной изъ основъ жизни того государства, къ которому этотъ представитель принадлежитъ. Въ Парижѣ также своимъ вниманіемъ церкви русскій государь показалъ друзьямъ французамъ вниманіе ихъ церкви, какъ одной изъ основъ государственной жизни страны, гдѣ онъ пользовался гостепріимствомъ.

Историческая уступка, сдѣланная въ конкордатѣ Черной Горы съ Римомъ относительно допущенія католической службы на словянскомъ языкѣ, что тоже „Katolički List“ считаетъ однимъ изъ доказательствъ сближенія православнаго словянства съ западной церковью, есть нѣчто иное, дѣло князя Николая политическое, съ національно - словянской точки зрѣнія, и именно для того, чтобы языкъ отличалъ словянство, тонущее и погибающее въ германизаціи и романизаціи благодаря вѣрѣ на чужомъ, латинскомъ языкѣ. Князь Николай заключилъ конкордатъ, также, надѣясь, что укрѣпленіе сознанія національнаго родства вызоветъ сознаніе заблужденій католицизма. И мы убѣждены и думаемъ, что все братское словянство, находящееся въ лонѣ западной церкви, откликнется на этотъ громкій зовъ желанія великой словянской души князя Николая, призвать всѣхъ братьевъ, чеховъ, поляковъ и хорватъ, къ молитвѣ на своемъ словянскомъ языкѣ, какъ это сдѣлано уже въ Сеньской епархіи у сербовъ-католиковъ Далмаціи. Князь Николай этимъ мыслитъ, что пора же словянской идеѣ въ единствѣ словянскихъ народовъ явиться въ полномъ блескѣ и поставить себя на лучшемъ, объединяющемъ все словянство пути общаго прогресса человѣчества. Съ настоящей точки зрѣнія религіи въ этомъ конкордатѣ, результатѣ великой мысли князя Николая, мы видимъ уступку папства и сближеніе отпавшаго католицизма съ истинной православной церковью Христовой.

Нѣсколько страннымъ намъ кажется способъ присоединенія княжны Елены черногорской, отторгнутой

отъ родного православія къ католицизму, и самый, такъ сказать, символъ вѣры, ей предложенный. Это, конечно, не никео—цареградскій текстъ, а также и не толедскій (589 г.), гдѣ для присоединенія вестготовъаріанъ къ православной церкви сдѣлана прибавка, между словами *отъ Отца исходящаго* словъ — *и Сына* (filioque), окончательно утвержденная, не смотря на протестъ восточной церкви въ лицѣ константинопольскаго патріарха Фотія (во второй половинѣ IX вѣка), папой Бенедиктомъ VIII въ 1014 году. Это не есть также, сколько намъ извѣстно, текстъ какого нибудь другого собора, принятый западной церковью, но что-то, составленное ad hoc, лишь бы только привлечь одну лишнюю пасомую въ вертоградъ римо-католической церкви, подчинить ее абсолютизму власти римскаго пастыря, ad majorem gloriam Dei, какъ любятъ всегда католики мотивировать всѣ свои дѣла и уступки, продаваемыя ими на самомъ дѣлѣ дорогой цѣной признанія приматства ихъ папы. Всѣ подобныя уступки дѣлаются въ видѣ особыхъ изъятій, въ видѣ особыхъ милостей, какъ бы снисхожденія. Эта снисходительность папы объясняется тѣмъ, что такимъ образомъ замаскировывается въ римской догматикѣ связь вопросовъ и уступокъ съ идеей приматства и эти уступки отсюда являются только средствомъ къ упроченію власти папъ.

Теорія индульгенцій и догматъ о чистилищѣ въ символѣ, предложенномъ княжнѣ, какъ мы видимъ, представлены точно, ибо доктрины эти имѣютъ съ идеей приматства связь ясную до очевидности и отрицаніе ихъ клонилось бы къ явному ущербу папской власти, къ сокращенію ея объема. Все же остальное, даже вѣроученіе о св. Духѣ и самое filioque, здѣсь почему то исчезло, а осталась въ полной силѣ тенденція западной церкви обратить религію въ узду для народа, будитъ чувство страха и ужаса предъ Богомъ и на этомъ обосновывать религіозную жизнь вѣрующаго: *объявляю, что внѣ католической апостольской римской*

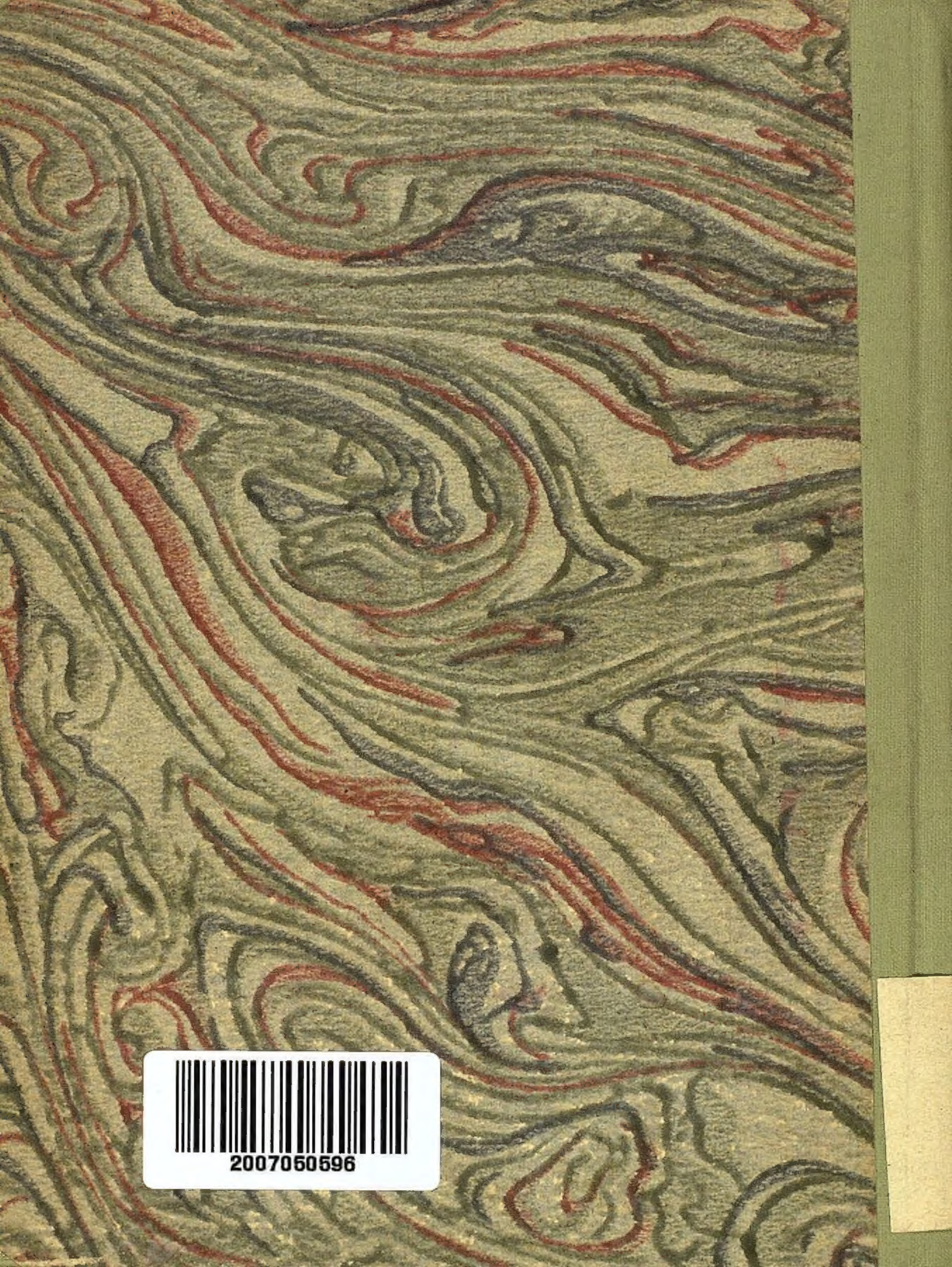
религіи, нѣтъ спасенія.... навлеку на себя гнѣвъ Божій и святыхъ апостоловъ Петра и Павла и буду извергнута изъ лона Святой Матери церкви и общенія святыхъ, какъ сказано въ Елениномъ символѣ.

Лично для династіи Петровичей-Нѣгошей, конечно. въ этомъ бракѣ княжны Елены, дочери князя черногорскаго Николая, съ принцемъ неаполитанскимъ можно видѣть лучшее будущее, такъ какъ чрезъ это она пріобрѣтаетъ уже значеніе династіи не лишь въ болѣе узкомъ смыслѣ словянской. но и въ болѣе широкомъ — европейской.

Каково, однако, будетъ равновѣсіе этихъ двухъ положеній и какъ оно отзовется, при стараніяхъ католицизма съ одной стороны и при противодѣйствіи народа съ другой, на юго-словянскомъ православіи, въ его духовно-религіозной и политической жизни, покажетъ намъ будущее!

26 ноября 1896 года,
Казань.

А. Александровъ.

2007060596